

Е.В. Высоцкая
Россия, Барнаул,
Алтайская государственная педагогическая академия
Научный руководитель к.ф.н., доц. Е.А. Косых

ПИСЬМО А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА КАК ТЕКСТ

Интерес к анализу текста в сфере современного гуманитарного образования возник не случайно. В первую очередь, это определяется необходимостью повышения, совершенствования уровня речевой культуры человека. Умение интерпретировать и анализировать текст позволяет «приобщиться к авторскому видению мира» [3, с. 8], даёт возможность составить речевой портрет автора, в том числе развивает культуру речевого поведения.

Выдвижение текста как главного объекта гуманитарного знания обусловлено вниманием к личности человека, к концепции антропоцентризма. Таким образом, антропоцентрический подход в современной науке неразрывно связан с текстоцентризмом: работая с текстом, мы не можем исключать такие понятия как речевая деятельность, речевое поведение, речевая компетенция.

Текстовая деятельность является и речевой в том числе. А речевая деятельность, в свою очередь, является одной из составляющих характеристик речевого портрета. В связи с этим, мы считаем, что для составления речевого портрета элитарной языковой личности, необходимо рассматривать речевые произведения автора (письма А.И. Солженицына) как текст.

Текстом, в самом широком смысле этого слова, считается упорядоченный набор слов, символов, знаков, предназначенный для того, чтобы выразить некий смысл, это речевое произведение, состоящее из ряда предложений, расположенных в определённой последовательности и объединённых в целое единством темы, основной мысли и с помощью различных языковых средств. Письма А.И. Солженицына в полной мере обладают заявленными качествами, что будет рассмотрено на конкретном примере, проанализированном в данной статье. Вслед за М.М. Бахтиным, главным критерием текста мы будем считать в первую очередь его коммуникативный характер, диалогичную природу.

4 марта 1974. Цюрих

4.3.74

Дорогие Люшенька и Лидия Корнеевна!

Так как я думаю, что не лишён права переписки, то для первой пробы посылаю Вам это малое письмишко, посмотреть, каковы в отечестве нашем ныне сохранились почтовые нравы. Будем письма строго нумеровать и подтверждать сроки получения. (Мой адрес пока временно: Dr. Fritz Heeb) Todistrasse 48 8002 Zurich Schweiz, потом дам постоянный.)

Во всех разнообразных испытаниях, какие уже за моими плечами, ещё не хватало, действительно, этого: изгнания, чужбины. Удивительно, как, при самом избыточном и назойливом изобилии, это может не ощущаться

ни осязанием, ни кожей, ни языком — всё какое-то не того вкуса. Как будто всё есть, завались... а главного нет, и как будто всё не настоящее. Может быть, со временем и пройдёт. Поскольку я вечный оптимист, то духом не падаю, и надеюсь в считанные годы, меньше чем пальцев на руках, быть в России назад.

Здесь встретили меня исключительно тепло: половина прохожих узнаёт, любой продавец, иные шофёры замедляют и показывают рукой, чтоб я пересекал. Знать стал меньше, чем в России: радио слышно сбойно, неустойчиво, а газет читать ещё время не выбрал, да и ужасно брать в руки эти пудовые кипы.

Писем и телеграмм получил, не преувеличиваю — с тысячу. И когда же кому же это сортировать, не то что читать?

Держался до сих пор великолепно, но последние 2 дня стало возвращаться давление. Такая идея, Люшенька: узнайте Вы и напишите мне латинские названия всех моих давленческих четырёх трав — и я попробую здесь их доставать. <...>

Из моих смешных вещей — на какие место найдётся, сохраните для смеха.

Буду писать!

Обнимаю, целую Вас обеих!

Ваш АС

Что представляет собой данное письмо: текст или речевое высказывание? По каким критериям мы можем определить, что представленное речевое произведение — это текст? И должно ли письмо обладать всеми характеристиками текста? На эти и другие вопросы мы попытаемся ответить в ходе нашего анализа.

В первую очередь мы рассмотрим коммуникативную составляющую письма. Разумеется, письмо уже подразумевает коммуникативную направленность. Во-первых, оно кем-то написано (т.е. имеет автора/адресанта/говорящего), во-вторых, оно кому-то адресовано (т.е. направлено адресату/слушающему). Иначе говоря, уже сам процесс написания письма является как бы диалогом: адресант пишет, учитывая личность адресата, обдумывая его реакции, предполагая возможные ответы. Ещё ярче диалогичность проявляется во время прочтения письма: адресат проявляет определённые эмоции, пытается понять намерения адресанта, пишет ответное письмо. Таким образом, мы понимаем, что появляется диалог, речевое взаимодействие коммуникантов. Опираясь на исследования М.М. Бахтина, мы можем утверждать, что письмо (в частности, и это письмо) — текст.

Как известно, подходов к изучению текста существует множество. Но так или иначе, большинство исследователей (И.Р. Гальперин, Н.С. Валгина, Л.Г. Бабенко) выделяют единые категории, характеризующие текст: это связность (выраженная различными средствами), цельность, завершенность, информативность.

На первый взгляд, письма, взятые нами для анализа, обладают этими категориями. Но так ли это?

Письмо, адресованное Л.К. Чуковской, в большей степени является так называемым «бытовым письмом»: обсуждаются повседневные проблемы, события, здоровье и т.д. На наш взгляд, данное письмо является связным. В большей степени, конечно, связность текста создаётся не формальными средствами связи – логическими, ассоциативными. Связность текста обнаруживается не на поверхности, а внутри текста – это подчинение одной теме, одному смыслу, коммуникативной задаче. Автору важно донести до адресата свои мысли, состояние, в котором он пребывал. Небольшие отступления от темы, переход от одной мысли к другой, некая сбивчивость объясняется той коммуникативной целью, которой руководствовался адресант: во-первых, это письмо дружеское, не официальное, письмо, которое можно построить по законам разговорного стиля, во-вторых, на наш взгляд, это письмо было своеобразной проверкой, пробным вариантом («...для первой пробы посылаю Вам это малое письмишко, посмотреть, каковы в отечестве нашем ныне сохранились почтовые нравы»). Цельность и завершенность создаются самим жанром письма: оно построено по определённому канону – приветствие, рассказ о себе, о каком-либо событии, обращение к адресату, прощание, подпись. И, наконец, информативность. Мы вновь, обратим внимание на сам жанр письма: любое письмо, в той или иной мере, содержит в себе какую-либо информацию. Существует три вида информации, представленные И.Р. Гальпериным: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и подтекстовая. В данном письме мы можем найти содержательно-фактуальную информацию и содержательно-концептуальную (изгнание, чужбина, тоска по родине).

Учитывая всё выше сказанное, мы можем предположить, что данное письмо А.И. Солженицына – текст, а не речевое высказывание. Речевое высказывание создаётся в ходе конкретного речевого акта, и рассматривается только в контексте этого речевого акта. Речевое высказывание является лишь частью текста, но не самим текстом.

На наш взгляд, письмо не обязательно может обладать такими признаками как связность, цельность, завершенность и т.д. Но тот факт, что письмо само по себе предполагает диалог, указывает на его «принадлежность» к тексту. И только по этому критерию мы можем считать письма А.И. Солженицына текстом.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1997. – 445 с.
2. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и гуманитарных науках // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1997. – 445 с.
3. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – 520 с
4. Валгина, Н.С. Теория текста. – Москва: Логос, 2003. – 280 с.

5. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин; АН СССР, Институт языкознания. – Москва: Наука, 1981. – 138 с.